

УДК 398.332(477.54=161.1)

Михайло Красиков
(Харків)КАЛЕНДАРНІ СВЯТА РОСІЯН ХАРКІВЩИНИ
(з експедиційних матеріалів)

Російські села на Харківщині, на жаль, дуже мало вивчалися етнографами та фольклористами. Навіть публікацій експедиційних матеріалів обмаль, не кажучи про наукові статті. Авторіві цих рядків пощастило на початку ХХІ ст. взяти участь у фольклорно-етнографічній експедиції, організованій Асоціацією етнологів та фольклористів м. Харкова в Золочівський район Харківської області, де росіяни живуть ще із ХVІІ ст. Значна частина мешканців була старообрядцями, що відбилося на звичаєвості та усній народній творчості. Незабаром у Харкові за нашою редакцією має вийти двотомник обсягом понад 1000 сторінок про історію, життя, вірування, звичаї, побут та фольклор старовірів села Гур'їв Козачок на Золочівщині¹. Пропонуємо фрагменти з наших матеріалів.

Календарные праздники

Рожество

«У старообрядцев кутьи не было. У православных заносили сноп связанный и приговаривали: “Расти, овес зернистый, колосистый...”» [10].

«На Рождество сено клали на стол только у православных. На Рождество ходили на всенощную молиться – и православные, и старообрядцы» [11].

«На Рождество в каждый двор старики-староверы ходили христославили. Кто хоче угостить – стопку нальет, пообедать посадя. К православным они не заходили – только к староверам» [4].

«Эту песню часто пели на святках. Как пойдуть гулять на Рождество до шинку, то, было, как выходят с двора и начинают играть, танцуют:

Ох, ты ж белая ж да румяная моя,
Да минулася ж наша прежняя гульба, (2 р.)
Ох, ляли, ох, ляли, ляли, ле ой,
Да минулася ж наша прежняя гульба, (2 р.)
А кому я досталася, молода?
Ох, ляли, ох, ляли, ляли, ле ой,
А кому ж я досталася, молода? (2 р.)

Досталася я старому старику,
Ох, ляли, ох, ляли, ляли, ле ой,
Дасталася я старому старику. (2 р.)
Да не пускае стар на вулицу ходить,
Ох, ляли, ох, ляли, ляли, ле ой,
Да не пускае стар на вулицу ходить, (2 р.)
Хотя пустить, сам за мною вслед идеть,
Ох, ляли, ох, ляли, ляли, ле ой,
Хотя пустить, сам за мною вслед идеть,
Сам за мною вслед идеть,
Да мои глазочки не смотрюють на него,
Ох, ляли, ох, ляли, ляли, ле ой,
Да мои глазочки не смотрюють на него,
Да мои брова и не смотрюють на него.
Чёрны бровы сокрушили молодца,
Ох, ляли, ох, ляли, ляли, ле ой,
Чёрны бровы сокрушили молодца.
Скину-брошу, молодёшенькя, весь наряд,
Ох, ляли, ох, ляли, ляли, ле ой,
Сама еду во Китай-город гулять,
Ох, ляли, ох, ляли, ляли, ле ле,
Сама еду во Китай-город гулять, (2 р.)
Всё китайского товару закупать,
Ох, ляли, ох, ляли, ляли, ле ой,
Всё китайского товару закупать.
Оддюру я плаття розовая,
Ох, ляли, ох, ляли, ляли, ле ой,
Оддюру я плаття розовая,
Розово платъице от солнушка горить, (2 р.)
Голубой цвет не наравится,
Ох, ляли, ох, ляли, ляли, ле ой,
Голубой цвет не наравится,
Да голубой цвет не наравится,
Кто, который муж наялится,
Ох, ляли, ох, ляли, ляли, ле ой,
Кто, который муж наялится,
Либо вор, либо пьяница,
Ох, ляли, ох, ляли, ляли, ле ой,
Либо вор, либо пьяница,
Да либо вор, да либо пьяница,
Либо шшипится-кусається,
Ох, ляли, ох, ляли, ляли, ле ой,
Либо шшипится-кусається,
Да либо шшипится-кусається,
Надо мною наругається,
Ох, ляли, ох, ляли, ляли, ле ой,
Надо мною наругається, (2 р.)
Надо мною, молодою женою,
Ох, ляли, ох, ляли, ляли, ле ой,

Надо мною, молодою женою, (2 р.)
 Над отецкою дочерью,
 Ох, ляли, ох, ляли, ляли, ле ой,
 Над отецкою дочерью, (2 р.)
 А я роду не етакага,
 Ох, ляли, ох, ляли, ляли, ле ой,
 А я роду не етакага, (2 р.)
 А я роду купеческага,
 Ох, ляли, ох, ляли, ляли, ле ой,
 А я роду купеческага» [14].

Новый год

«На Новый год ходили посыпали зерном и говорили, чтоб уродило жито, пшеница, просо...» [11]. «У староверов не щедровали, старики (иногда с батюшкой нашим, выборным) ходили со двора в двор – Христа славили. Их угощали иногда. Ходили 2 недели – от Рождества до Хрождения» [18].

«Утром на Новый год мальчики ходили “посевать”. Пели:

Матерь Мария
 по полю ходила,
 Бога просила:
 – Дай, Бог, лета,
 зароди, Бог, хлеба,
 жита ядрёна,
 пшеница ремёна,
 овес колосистый,
 белый, волосистый,
 торох-торох –
 посыпался горох!

И бросали зерно по иконам. Становились на пороге на колени и “ко-ко-ко” – квохтали» [13].

«Тут дед у нас жил, так той казал, что надо [на Новый год] ходить с топором и пужать, чтоб урожайло на другой год (по яблоне там). И сор собирать [с Рождества, и на Новый год] выносить и сжигать» [7].

Крещение

«Воду у нас [староверов] святили в моленной. На Крещение водою брызгали животных. Была такая специальная деревянная посуда – *савчик*, и обмочали висельки [васильки] (засушенные), и кропили и животных, и усех в доме» [9].

«На Крещенье, как отсветится вода, давали водичку всей скотине и кутью давали писклятам², курам.

Стреляли на Крещенье, когда Иордань была» [7].

«Крещение в Удах – это был большущий праздник. Зажиточные хозяева показывали своих рысаков. Сани разукрашивали – и вот с бубенцами мотались на них.

“Иордан” делали: на реке вырубывали крест, бурачным квасом обливали – мастера были. Находились мужчины, которые опускались в воду на Крещение: он прыгал, ему сразу шубу, стакан водки, он хильнул, на сани – и повезли» [6].

Святочные развлечения

Катания

«Громак може и неделю делают, его с навозу делают, а тады обливають водою – чтоб намерзло, а сверху солома, он как возик, квадратный, как сани маленькие. Были громаки и на одного, и на двух. И то с горе – и катаемся. Катались и на салазках (там была и спинка), были деревянные полозья и железные – у кого какие. На лошадях катались. С Риздва две недели назывались “святки” – до сама Хрошшенья. И катались» [3].

«Перины палили” на Рождество, Новый год и Крещение. На дорогу выносили соломки с каждого двору и поджигали: обогревали родителей покойных.

Носили кутью крестной матери.

Рождество называли “Коледа”. Кутью и узвар (из сухих яблок) становили под святые» [7].

Кулачные бои

«На Новый год, на Крещенье в Удах собирались правобережье и левобережье. Часов в 10 собираются пацаны. Туда-сюда... Оттуда и отсюда сойдутся: “Кум, кум!” Покурят, закруточки... Поговорили. На мосту стоят. А потом:

– Ну, начнем?

– Начнем.

Кум идет туда, а этот остается здесь – ну и начинают. Только честный бой! Было строго-строго. Голым кулаком только били. Если только у кого-то что-то заметят, могут и убить. Таких случаев не было, но избивали крепко, если замечали.

Здоровые старики были: Гурьевы, Оболонкины, Бабаевы, Кузьма Леонтьевич... Староверы не участвовали. Был дед Мериканка (умер в 93 года) – курил страшно, пил страшно, никогда я его не видел трезвым. Степан Макарович, Василий Ульянович Кузнецов, мой крестный отец, тоже до 90 лет дожил.

Толпа туда-сюда, туда пихнут... Бывало, что аж до школы догонят; бывало, что наши сильнее – аж на гору загонят. Побежденные могоарыч не ставили. Идут потом все вместе:

– Ну, пошли, кум, выпьем.

– Пошли.

Обсуждали:

– Знаешь, я тебе врезал!

– Да что! Я вот тебе врезал!

А драки редко были. Потому что старики держали строго дисциплину» [6].

За Зарецким мостом в с. Уды было место, где были кулачные бои. «И как скажут: “Наших погнали сюды”, – выбирались мужики сильные какие: “Ану, пойдём мы их погоним!” Была такая драка! Бывало, кому и башку пропорють. Когда колхоз стал, уже кулачков не было, это только когда единолички были» [3].

«На Рождество – кулачки [в Удах]. Правая сторона реки – и левая. У нас две сотни, а там было восемь. С вечера идут девчата на мост, наблюдают, месячно ж... Бабы поубираются, смотрят... С вечера начинают молодежь: чья сторона победить. Ну, а потом вникают молодые мужчины, а потом и старики с бородами туда. Начинают рукавицы надевать, как боксеры. Но, помилуй бог, если кто заметит что в рукавице... А другой примудрялся: у лёд умоче рукавицу, чтоб замерзла. Бьются – и выгоняют аж до больницы, наша сторона (тут здоровей были мужчины). Догнали до больницы – победа. Наши ворочаются назад, а те идут – шапки ж посбивают, кидают вверх: угадуют, где чья шапка. Собирают шапки – ворочаются назад. На этом кончилось. На другой день сходится обратно такое. Кому умоче в нос – и нос перебитый был (у жите спал – нос парил, у больницу ж не пойдешь <...>, так у него лягушки в носе квакали, пока зажило, а все равно идет туда!)» [12].

Масляная

«Колодку (палку за ногу) вешали в первый день Масляной. Это чтоб выпить дали, откупились. Вешали и парням, и девушкам, и родителям – чего не женил сына или дочь? А те отплачиваются ж. И маленьким, было, привяжут: то сваты, то свахи сойдутся – усех шутили. А тада ж родители откупаются – дают яиц или ишо что-то, и дальше идут. Чучело не делали» [14].

«Вязали колодки. Шутки такие были. Вязали, в основном, парням, с двадцати лет, не раньше. Девкам иногда тоже. Но девка что ж? Она сама не пойдет замуж» [2].

На Масляную «делали только блинчики и вареники, только с сыром вареники. Крынка масла грелась для вареников на Масляную. (Масло собирали в кубышку, держали топленное масло для Масляной специально). А уже в понедельник [первый день Поста] говорили: “ворона забрала сыр, масло и блины на вербы”» [15].

«На Масляной во время гуляния пели:

Масленая, милая моя,
Любят тебе девушки и я, молода!

Масленая, полизуха,
Полизала блинцы, яйца, каравайцы!

Масленая за горою.
Там стоит дедушка с бороною!

Масленая за дубами.
Там стоит бабушка ис зубами!

Масленая – забалтоха,
Заболтала хвост да на весь пост!

Масленую повидаю –
Блин да по долу-долушку покатаю!

Масляная, я к тебе йду.
Потеряла салазочки – теперь не найду!

Масляная, милая моя!
Если б тебе 7 недель, а посту одна!

Масляная, где ты была?
Чи в Миколя, чи в контора водочку пила?

Масляная – заволока,
Заволок парень девку за болота!» [14]

«Масляная, милая моя,
Люблю ти, девушку, ой я молода!

Масленае, не лянися,
До сама Великодня протянися!

Масленая – за горою,
Катается дедушка с бороною!

Масленая, я к табе йду.
Потерял рублевочку – теперь не найду!

Масленое – полизуха,
Полизала сыр, масло,
Блинцы, яйца, каравайцы!» [17].

40 святых (Сороки, 40 святох)

В с. Уды праздник назывался «Сороки» [9]. «На 40 святых пекли жайворонки» [11].

«На 40 святых пекли кулики. По два яичка клали и кулик на стол. Через скирды кидали кулики, [чтобы был в этот год такой же урожай]. Песни гнали: “Кулюшки-мулюшки...”» [7].

«Монетку закладывали в сороки: кому попадется – счастливый человек» [13].

«На Сороки вынимают из погреба картошку, чтоб она проросла и чтоб было в кусту 40 картофелин» [1].

«Куликов закликали на 40 святых: пекли птички, деткам раздавали, они ели. Копейку закладывали в одну птичку. Кому достанется эта копейка, тот должен первым ехать в поле сеять хлеб» [9].

Пасха

«На Пасху играли *в покоцы*. Делали маленькую горочку. Он внизу яйцо положи, а ты должен попасть (катишь с горки). Если разобьешь – забираешь.

Была игра – “*сколько носков*”. Яичку положить. А ты должен угадать, сколько носков [т. е. шагов, при которых носок приставляется к носку] до него. Можно было руками тянуться от того места, где ты остановился. Достал – выиграл, забираешь яйцо. Карусель ставили на 3 дня на Пасху. Святили паску, яйца, сало, а кто и поросенка. Пасху мама резала, распределяла на 3 дня. Лушпайки от крашанок (посвященных) – никуда, сжигали в плите» [11].

«Скорлупки крашанок отдавали курам» [16].

«Троицу у нас праздновали и Паску – три дня звонили. Церква у нас была, и хороший был колокол. Карусель была в нас (где клуб щас) – ставили ее на Паску. Паски посвятили, порозговелися, поотдыхали – и пошли на кладовище (оно было чистое, травка только, ни оградок, ничего, кресты были деревянные, красивое было кладовище). Люди там катают яички по могилке – такая мода была. Это старики. А девки – на карусель. Мужики и хлопцы там бьются яичками [крашанками]: хто выбье. Если ударил и разбил – забирал.

Писанки делали: веточки накладывали – и краской рисовали.

На карусель приходе жених с невестой своей, девкой, садятся, кружатся. Платили яичками – сколько там – “хура” [круг] называлось тот, что прокружа (“уже хуру прокрутили”), парни здоровые качают. Девки понаряженные. Ув одном наряде – вечером у другом. Народу было – жу-утко! Хорошо было!

Паски пекли из вальцовки (мягкой белой муки), если нету – на паровой мельнице ячмень смелют – ячные пекли. Говорили: “Надо съездить в Борисовку выменять вальцовки на паску”. Раньше ж семьи большие были. Как принясуть святить – так паска размером с ведро. Паски были хорошие, пахли. У нас как пасхи пекуть, на всем провулку пахло. Были такие формы черепьяные, высокие – покупали, борисяне привозили» [5].

«На Пасху ходили на кладбище. Катали яйца по могилке, чтобы он знал, что Пасха сегодня» [16].

«Все было [на столе]: и сало, и колбаса, и масло, и паска, а водки не было. На Пасху водку не пили» [3].

Проводы (Красная горка)

«На Красную горку кто паску маленькую клал [на могилы родственников], кто только яички. У православных в понедельник родительская, а у староверов – во вторник: родителей проводывали и поминали. Яйцом катали по могилке» [11].

Вознесение («Ушестие»)

«После Паски через 40 дней – Ушестие, празднуют “кукушку”. “Крестили кукушку” на лугу. Был луг, верба стояла. Коло вербы той мы и толкемся. Только девочки, годов нам по 12 было, мене – те не понимали, а старшие просто гуляли. “Кукушку” ж посадим и ходим же кругом, хороводом. Дома испякут нам “лесенку” (длинный хлеб с полосочками), по пару яичек варили, и отожд мы туды всё снашивали. Молочка, у кого коровка, принесет. Головку куклы покупали, а тады ж мама пошьет и платье, и руки из тряпки, и все на свете, ватую чи хлопьями напхаем. “Кукушка” была манюенькая. И мы – как кумовья, поменяемся платочками: она мой повьяже, я ее, походим. Покрестим кукушечку, покушаем, поменяемся платками, походим,

а потом размениваемся (обратно отдавали друг другу платки)» [5].

Делали куклу. «Соберемси, а там нам уже сготовять: и кашу сварять, яичниц сжаря, а мы на лугу походем, вяночки себе сплетем, а тады прийдём и пообедаем. Кумились. Каждая хотела, чтоб ей досталась лучшая подружка, а если ее кто другой выбирал раньче, брали ту, какая останется, хоть она бы была и вредная. Отказаться нельзя было, если тебя выбирали. Была только одна кума, не больше, только пара. Когда кумились, пели песни. Это подружки, которые ровестники, а старше и меньше – те сами по себе. А взрослые не собирались, это все незамужние. Старшие девочки ходили, вяночки делали из тех цветов, что на лугу» [3].

«Тольки девочки “кстили кукушку”. У мене была кума та-то, я с ней “кстила”, а у тей та-то (как подружки). Менялися бухарками (платками). У саду делали гнездо “кукушки”. “Кукушку” наряжали в монисты, шапочку делали, сажали на дерево, в гнездо, а мы под ей ходили кругом – в хрестиках, монистах, понаряжёные, как кукушки. Пели:

Не радуйся, липа –
Радуйся, береза.
К тебе девушки йдутъ,
красные идуть,
кукушечку кстить» [7].

«В саду гуляли, куклу наряжали красиво, на вишенку сажали, и то кругом вишенки ходили и вот эту песню пели:

В саду соловей, в саду молодой,
лѣли да лѣле, лѣли да лѣле,
посвиставае, покрикавае,
лѣли да лѣле, лѣли да лѣле,
кукушечка у саду,
лѣли да лѣле, лѣли да лѣле,
кукушечка в саду
молоденьком, зеленом,
лѣли да ле оле, лѣли да ле о,
посвиставая, покрикавая,
соловушка она зовѣт!» [15].

Троица

«В Троицу у нас [в с. Уды] ярмарка была три дня. И церква ж служить. Борисяне [жители с. Борисовка] всё привозили: пряники, канхветы, маковники – ряд стоит (там, где сейчас автобусная остановка), потом возле церкви – горшки, кувшины, а тут же как раз карусель и пялили, зро-

ду становили. А потом пойдеть ряд – во-бувь, манухвактура – до самой больницы. А тут тоже приеде такой “попка” – выгравав, танцуе – мущина с птичкой: бери билет, “попка” вытяне тебе какое щасте, чи что. И сам же вытанцовывае, и бубен у его – ну, хорошо, весело. А девки под каруселями же все там.

Пройдѣ три дня Троицы – приезжают от пана наймають на буряк, ис гармониями, девки танцують. Прикашшик нанимае то в Ивашки, то в Лютовку – девки вжэ собираются.

Любисту ирвали. В церкву ходили – брали любисту. Коло церкви – ограда, трава. И молодые, и старыя садилися и плели вянок – с любисты (каждый себе) и надевали на голову – всё казали, чтоб голова не болела.

Клечання вешали. На ворота – только лишь осину. И в дом заносили осиновые ветки» [5].

«В Удах называется этот праздник “Зеленая неделя”, “Семик”. Ломали клечанье, в хате убирали» [8].

«На Троицу веток ломали: тополи, кленок, ставили в хате. Через неделю их выбрасывали» [16].

«На Троицу затыкали клечанье. На воротах вешали сосну или осину. На окны становили две веточки любисты, клали чобор, а у куту, под иконами, – там-то большой пучок любисты. Ветки осины кидали потом на чердак и сохраняли 2–3 года, да и сколько хочешь [для лечения детей от испуга, сглаза]. Первый раз как корову на пастбище выгоняють, так вот этою веточкой гонят. А троицкую траву высушивали и берегли: когда роженица роде – ее парили в тэй-то траве после родов» [3].

«На Троицу соседка постирала рубаху, а к вечеру у ей рука напухла. И никто не прибывал, нигде не подколола. Наказать не наказало, а памяти дало...» [4].

Ивана Купала

«На Ивана Купала костѣр зажигали. Уцэ зажгутъ – и кругом, спивають девки. Купалися» [11].

«Под Купала мы рвѣм крапиву, кладем ее, и где бегали на вулице, ставили палочку с крапивы. Если я перепрыну, не заступлю – то хорошо. Если я заступила ее, тады жигають, должны пожигать мене по ногам (нас же хоровод тут, подружки)» [5].

**Праздник иконы
Смоленской Божьей Матери**

«У нас [в с. Сот. Казачок] кажут *Смалея, Смаленское*. Ну, один возил снопы. Ну, яму ж и кажут, те, кто в годах, отгаки: “Что ж ты, мол, возишь снопы, нынче ж большой праздник – Смаленское, как же ты...” А он каже: “Я от как насмолю одонок сѣдни, а вы завтра пока только одонок насмалите, а я другой насмолю”. Ну, к вечеру тут тебе сразу как ударил гром – и запалил. А у их одонков много было. Раньше густо жили. Клуни рядом стоять, и одонки ж. Ну, все кричат: “Ой, запалил, загорится! Если только пойдѣть по всей деревне – всё сгорить!” А оно как свеча сгорело – двор. Затих ветер: тихотихо. Угору горить – и всё. Никуда. До одного снопа сгорело – и замерло. И сказали: грех большой на Смаленскую работать. Само строгий праздник» [13].

Михайлово чудо

«Сын работал во дворе. А я слышу: что-то трещит. Говорю:

– Миша, что там трещит?

Он выглянул, а там воск загорелся. Он и говорит:

– Я забыл, что нынче Михайлово чудо, все равно что-нибудь делается.

И так воску много пропало» [10].

«У нас один на Михайлово чудо скородил и на городе умер. Кони запутались, и сам кончился» [17].

Примітки

¹ *Гурьев В. П.* Гурьев Казачок. 1672–2015. Краеведческие очерки и материалы : в 2 т. / В. П. Гурьев ; сост., ред., предисл., примеч. и доп. М. М. Красикова. – Харьков : Эксклюзив, 2015.

² Писклята – цыплята.

Список информантов

1. Зап. 21.07.00 от Колесник Светланы Марковны, 1950 г. рожд., в с. Уды Золочевского р-на Харьковской обл.

2. Зап. 21.07.00 от Круговой Анны Николаевны, 1929 г. рожд., в с. Уды.

3. Зап. 21.07.00 от Трофимовой Анны Самойловны, 1917 г. рожд., в с. Уды.

4. Зап. 11.08.00 от Гурьева Савелия Титовича, 1929 г. рожд., в с. Уды.

5. Зап. 11.08.00 от Витохинной Анны Трофимовны, 1919 г. рожд., в с. Уды.

6. Зап. 11.08.00 от Кузнецова Павла Константиновича, 1916 г. рожд., в с. Уды.

7. Зап. 11.08.00 от Зверевой Екатерины Ивановны, 1911 г. рожд., в с. Уды.

8. Зап. 11.08.00 от Поповой Анны Романовны, 1928 г. рожд., в с. Уды.

9. Зап. 11.08.00 от Кузнецовой Евдокии Титовны, 1918 г. рожд., в с. Уды.

10. Зап. 12.08.00 от Гурьевой Анны Дмитриевны, 1908 г. рожд., в с. Гурьев Казачок Золочевского р-на Харьковской обл.

11. Зап. 12.08.00 от Гурьева Василия Егоровича, 1909 г. рожд., в с. Гурьев Казачок.

12. Зап. 12.08.00 от Состина Василия Ивановича, 1922 г. рожд., в с. Уды.

13. Зап. 13.08.00 от Кучерявченко Варвары Федоровны, 1928 г. рожд., в с. Сот. Казачок Золочевского р-на Харьковской обл.

14. Зап. 13.08.00 от Кучерявченко Варвары Григорьевны, 1922 г. рожд., и Гладковой Екатерины Михайловны, 1929 г. рожд., в с. Сот. Казачок.

15. Зап. 13.08.00 от Кожинной Марии Григорьевны, 1920 г. рожд., в с. Сот. Казачок.

16. Зап. 13.08.00 от Новиковой Ольги Петровны, 1928 г. рожд., в с. Сот. Казачок.

17. Зап. 13.08.00 от Новиковой Марфы Леонтьевны, 1919 г. рожд., в с. Сот. Казачок.

18. Зап. 14.08.00 от Гурьевой Феклы Филипповны, 1921 г. рожд., в с. Гурьев Казачок.